

УДК 81'373.221:801.631.5
DOI: 10.26140/bg23-2020-0901-0072

АНТРОПОНИМЫ КАК ОБРАЗЫ СРАВНЕНИЯ ТРОПОВ С КОМПОНЕНТОМ
«КЛЁН» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 20-50-х гг. XX в.

© 2020
AuthorID: 439837
SPIN: 8692-5940
Researcher ID: C-6980-2019
ORCID: 0000-0002-0566-9905

Соколова Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
Тольяттинский государственный университет
(445667, Россия, Тольятти, улица Белорусская, 16 «В», e-mail: msok71@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются тропеические номинации клёна в русской поэзии 20-50-х годов XX века, выраженные антропонимами, с точки зрения семантической структуры и особенностей функционирования данных тропов в аспекте «общее – единичное». Установлено, что образные номинации-антропонимы, характеризующие клён, обозначают реальных представителей искусства и составляют образную парадигму «клён – человек» как частные вариативные разновидности общего образного инварианта: «клён – Лист», «клён – Мурильо», «Есенин – клён». Охарактеризованы черты сходства и различия образных номинаций-антропонимов на уровне семантических признаков, актуализируемых соответствующими тропами, и на уровне структуры образного соответствия в контексте общепозитивской традиции изображения дендронима клён в русской лирике XIX-XX вв. Выявлено, что общей основой таких тропов является одухотворение объектов природы, наделение их способностью мыслить, а также комплекс выражаемых признаков: 'звук' (звонкий), 'состояние' (парение), 'форма' (сердце), 'цвет' (золото, свет). Установлено, что различия в репрезентации образа клёна с помощью антропонимов заключаются в окказиональном характере образов сравнения «клён – Лист» и «клён – Мурильо», в то время как ассоциативное соответствие «Есенин – клён» является дальнейшей разработкой персонализированного образа «я-дерева», введенного в русскую поэзию С. А. Есениным. Определены два важнейших семантических признака, формирующих персонализированный образ «Есенин – клён», в поэтических контекстах А. Б. Мариенгофа: 1) «клён «опавший», «отцветший» – ушедшая юность лирического героя»; 2) клён как знак родного пространства.

Ключевые слова: антропонимы, дендроним клён, тропы, персонафикация, образная парадигма, семантическая структура, семантический признак, С. А. Есенин, русская поэзия, лингвопоэтика, поэтический образ.

ANTHROPONYMS AS TENORS OF TROPES WITH THE COMPONENT «MAPLE»
IN RUSSIAN POETRY OF 20-50-IES OF XX CENTURY

© 2020

Sokolova Marina Gennadyevna, PhD in Education, senior lecturer department
«Russian language, literature and linguistic criminalistics»
Togliatti State University
(445667, Russia, Togliatti, Belorusskaya St., 16 B, e-mail: msok71@mail.ru)

Abstract. The article considers the figurative the nominations of maple in the Russian poetry of the 20-50 - ies of the XX century, expressed by anthroponyms, from the point of view of the semantic structure and peculiarities of functioning of these tropes in the aspect of "common – singular". It is established that figurative the nominations-the anthroponyms characterizing the maple, represent the real artists and are shaped the paradigm of the "maple – man" as private varieties of the general figurative invariant: "maple – Liszt", "maple – Murillo", "Yesenin – maple". Described the similarities and differences figurative the nominations-the anthroponyms at the level of semantic features, updating the relevant tropes and at the level of structure of image matching in the context of tradition of the image of dendronim maple in Russian poetry of XIX-XX centuries. It is revealed that the common basis of such tropes is the spiritualization of nature objects, endowing them with the ability to think, as well as a set of expressed features: 'sound' (ringing), 'state' (soaring), 'form' (heart), 'color' (gold, light). It is established that the differences in the representation of the image of maple with the help of anthroponyms are in the occasional nature of the images of comparison "maple – Liszt" and "maple – Murillo", while the associative correspondence "Yesenin-maple" is a further development of the personalized image of "I-tree" introduced into Russian poetry by S. A. Yesenin. Identified two fundamental semantic characteristic, forming a personalized image "Yesenin – maple", in poetic contexts, A. B. Mariengof: 1) "fallen", "faded" maple – vanished youth of lyrical hero "; 2) maple as a sign of the native space.

Keywords: anthroponyms, dendronims, trails, personification, figurative paradigm, semantic structure, semantic sign, Yesenin, Russian poetry, linguistic poetics, poetic image.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Исследователи поэтического языка отмечают факт использования в русской литературе образных номинаций, обозначающих мифологических персонажей или литературных и исторических лиц, для характеристики деревьев: дубы – Моисей, пальмы – Марии (у Гумилева), рябина – царь Давид, вяз – Авессалом (у Цветаевой), дуб – боярин Колычев (у Тарковского), берёза – Снегурочка (у Вс. Рождественского), рябина – Параскева-Пятница (у Айги) [1, с. 73]. Подобные ассоциативные соответствия формируют парадигму образов, понимаемую как инвариант группы образов, к которому восходят частные тропы как разновидности инварианта [2; 3]. Структура данной образной парадигмы состоит из двух компонентов: образа сравнения, в качестве которого выступает

антропоним, и предмета сравнения – наименования дерева. При этом предмет сравнения – та реальность, которая является объектом уподобления, образ сравнения – источник метафорического уподобления [4].

Антропоморфные номинации, как правило, не имеют устойчивого, повторяющегося характера в языке русской поэзии, поскольку отражают авторское мировоззрение. Однако, несмотря на оригинальность соответствующих номинаций, индивидуальные тропы с компонентами-антропонимами объединяет то, что в их основе «лежит перевоплощение одних существ в другие», в таких образах природа «одухотворена и способна мыслить» [5, с. 31].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых основывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей проблемы. Предметом исследова-

ния в данной статье являются тропеические номинации клёна в русской поэзии 20-50-х годов XX в., выраженные именами собственными, обозначающими людей (антропонимами), например, «клён – Есенин». Специальный анализ подобного рода тропеических номинаций, характеризующих образ клёна в русской поэзии, в аспекте образных парадигм в лингвистических работах на данный момент не осуществлялся. Обращение к клёну как предмету образных ассоциаций обусловлено общей стратегией проводимого исследования образных полей дендронимов в русской поэзии XIX-XX веков [6; 7].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель статьи – проанализировать поэтические фрагменты, репрезентирующие компаративные тропы «клён – антропоним», с точки зрения семантической структуры и особенностей функционирования данных тропов в аспекте «общее – единичное».

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Под семантической структурой слова понимаются «потенциальные возможности семантического варьирования слова с данным исходным значением» [8, с. 192]. Семантическая структура тропов «клён – антропоним» включает основания ассоциативного уподобления дендронима клён антропонимам (образам сравнения) и семантические признаки, актуализируемые данными образами сравнения.

«Общее – единичное» как категории универсальной схемы научного исследования выделены философом А. А. Гагаевым [9] и нашли отражение в лингвистических работах А. В. Пузырева [10; 11; 12]. Под «общим» в данной статье понимается устойчивое, стереотипное в общепозитическом языке, под «единичным» – индивидуальное, отражающее авторское мировосприятие.

Выборка поэтических фрагментов осуществлена из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [13]. Объём выборки включает три тропеических образа, имеющих структуру «клён – антропоним».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Рассмотрим особенности функционирования отобранных тропеических образов в контексте общепозитической традиции изображения дендронима клён в русской лирике XIX-XX вв.

В научной литературе выделяют две устойчивые, культурно-стереотипные ассоциации, связанные с образом клёна в русской поэзии. В соответствии с первой, клён становится символом золотой осени, благодаря цвету золотых осенних листьев [14]. В соответствии со второй, клён неотделим от имени С. А. Есенина, в лирике которого воплощена яркая персонификация клёна [15; 16]. Клён у С. А. Есенина наделяется портретными деталями, поведением и характером: «разудалый» парень, «с буйной копной непричесанных волос» [17, с. 50].

В ходе проводимого исследования образных полей дендронима клён в языке русской поэзии XIX-XX веков установлено, что устойчивыми цветовыми характеристиками осеннего клёна являются «золотой», «огненный», «медный», «пёстрый», «серебряный» [7]. В реализации цветовых признаков поэтического клёна участвуют образы сравнения в составе парадигм: «клён – вещества, металлы, минералы»; «клён – виды энергии и внешние проявления энергии или физических процессов»; «клён – части тела человека»; «клён – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; «клён – небесные явления».

Персонификация образа клёна, по нашим наблюдениям, формируется посредством 13 устойчивых, повторяющихся семантических признаков, репрезентированных образами сравнения, составляющими парадигму «клён – человек»: «шептать», «ходить», «смотреть», «спать», «то-сковать», «голова», «кудрявый», «поклон», «лохматый»,

«кровавый», «сердце», «поклон», «лирический герой».

Основаниями для подобных образных ассоциаций явился комплекс признаков («звук», «поведение», «состояние», «возраст», «форма», «функция», «цвет»), мотивированных свойствами самого референта: яркое изменение цветовой палитры листьев деревьев осенью, красивый рисунок кленового листа, густота лиственного покрова и др.

К антропонимам в качестве источников образных ассоциаций для характеристики предметных реалий обращаются три поэта в 20-х и 50-х гг. XX в. – И. Л. Сельвинский, А. Б. Мариенгоф, Н. А. Заболоцкий: *Клён жуужжит, звонит и сыплет / Чёрно-красными сердцами, / Вот появится косы плет / И возьмет себе на память / Самый алый, самый сильный / Червой вырезанный лист, / Звонкий и сухой, как Лист* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923); *Сергун чудесный! клён мой золоти-стый!* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925); *А клён, как Мурильо, на крыльях парил* (Н. А. Заболоцкий. Гомборский лес. 1957).

Все три антропонима как образные номинации обозначают реальных представителей сферы искусства – русского поэта, испанского художника и венгерского композитора – С. А. Есенина, Б. Э. Мурильо и Ф. Листа. Сопоставления клёна (его листа) с тем или иным именем представителя искусства в рассматриваемых поэтических фрагментах имеет как черты сходства, так и различие на уровне семантических признаков, актуализируемых соответствующими тропами, и на уровне структуры образного соответствия. Вначале обозначим данные черты, а в дальнейшем подробно охарактеризуем их.

К чертам сходства следует отнести следующие особенности: все три образные номинации-антропонимы являются частными вариантами общей образной парадигмы «клён – человек», отражающими своеобразие индивидуальной поэтической картины мира авторов. Данные образные номинации являются ярким средством выразительности, позволяющим передать (что будет проиллюстрировано далее) совокупность семантических признаков, формирующих поэтический пейзаж, – «цвет», «форма», «звук», «состояние».

Черты различия проявляются у разных авторов в следующем: образы сравнения, использованные И. Л. Сельвинским и Н. А. Заболоцким, имеют окказиональный характер, характеризуются оригинальностью и единичностью. Сопоставление С. А. Есенина с клёном является дальнейшим развитием образа персонифицированного «я-дерева», введённого в образное пространство русской поэзии данным поэтом, что позволяет говорить о своеобразной «дендронимной есениане» в русской лирике [6].

Обратимся к первому поэтическому фрагменту, содержащему ассоциативное соответствие «клён – Лист» в рамках сравнительной конструкции: *Червой вырезанный лист, / Звонкий и сухой, как Лист* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923). Для И. Л. Сельвинского в поэтическом восприятии клёна важными оказываются прежде всего форма кленового листа (*червой вырезанный*) и производимый звук (*звонкий*). Первый признак актуализируется посредством метафоры, передающей сходство резного красного кленового листа с сердцем, второй – с помощью авторского сравнения с композитором Листом.

Образное соответствие «кленовый лист – сердце» является регулярно повторяющимся в русской поэзии, реализующимся в виде частных тропов Н. А. Заболоцкого, А. А. Прокофьева: *Встрепенулись по заречью клёны, / Отогрели сердце и пришли* (А. А. Прокофьев. Утро. 1934); *Целый день осыпается с клёнов / Силуэты багровых сердец* (Н. А. Заболоцкий. Осеннее утро. 1955) и др.

Уподобление кленового листа композитору Листу основано на общем семантическом признаке, объединяющем оба компонента сравнения, – «звонкий». В рассматриваемом поэтическом произведении И. Л.

Сельвинского клён «жужжит, звонит чёрно-красными сердцами», уподобляется музыканту-арфисту: *Это клён. Его жена. / Она вся обнажена. / Он же, вычурный арфист, / Звякает Волошина* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923). Музыка шуршащих кленовых листьев порождает воспоминание о композиторе Листе. Исследователи отмечают как основную особенность музыкальных произведений Листа «звонкую палитру красок», отражающую звук колокольных, челесты, цимбалы, «жемчужную россыпь фортепианных пассажей» [18, с. 228]. Антропоним *Лист* включается также в омонимичную рифму «лист – Лист», которую обыгрывает поэт [5].

Рассмотрим второй поэтический фрагмент, репрезентирующий образ сравнения «клён – Мурильо»: *Здесь осень сумела такие пассажи / Наляпать из охры, огня и белил, / Что дуб бушевал, как Рембрандт в Эрмитаже, / А клён, как Мурильо, на крыльях парил* (Н. А. Заболоцкий. Гомборский лес. 1957). Данный образ мотивируется центральной метафорой, организующей образное пространство стихотворения, – «осень – художник». Красочный вид разноцветных осенних листьев позволяет уподобить их полотнам живописцев. Сравнение клёна с произведениями Мурильо, на наш взгляд, передает впечатление от мягкого золотого свечения осенних кленовых листьев, а также от состояния парения, тихого кружения опадающей листвы. Так, искусствоведы характеризуют манеру живописания данного художника как «воздушную», с нежными контурами изображаемых предметов, которые словно окутаны золотой дымкой, отмечают, что произведения художника отличаются использованием красок мягких, пропитанных светом [19].

Следует заметить, что семантические признаки «золото» и «свет», формирующие поэтический образ клёна, в последующие хронологические периоды русской поэзии получали актуализацию и у других авторов с помощью оригинальных образов сравнения: «клён – заря» (*Что озаряет жёлтая листва / Ветвистый клён* (И. А. Бунин «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...». 1917)); «клён – святой» (*А иногда в туманном освещенье / Евангельский сюжет изображает клён – / Сиянье, золотое облаченье / И поворот лица, и головы наклон* (Д. Самойлов «А иногда в туманном освещенье...». 1986)); «клён – осветительный прибор» (*Вот и выключили свет в красной ветке клёна* (И. Ф. Жданов «Мелкий дождь идёт на нет...». 1978–1991)).

Между тем использование образных номинаций с антропонимами не только позволяет подчеркнуть ту или иную деталь внешнего облика реалии, но и «расширяет смысловую перспективу произведения» [20, с. 613] за счет культурно-исторического контекста, формируемого антропонимами.

Перейдем к третьему образу – «Есенин – клён златолистый», представленному в контексте произведения А. Б. Мариенгофа «Сергею Есенину» о смерти поэта, которую автор воспринял как личную трагедию: *Сергун чудесный! клён мой златолистый! / Там червь, / Там гибель, / Тленье там. / Как мог поверить ты корыстным / Её речам* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925). Сравнение Есенина с клёном свидетельствует о том, что поэтическая разработка образа клёна в русской поэзии С. А. Есениным не прошла незамеченной для поэтов-современников.

Клён в лирике С. А. Есенина становится «образным ядром», в котором «воссоединилось» множество клёнов, созданных другими авторами [17, с. 7]. Особенно полно нашел свое наглядное воплощение в творчестве С. А. Есенина образ персонифицированного «я-дерева». Сопоставление образов лирического героя и клёна происходит, как правило, в виде прямых сравнений с клёном или посредством «психологического параллелизма» (по терминологии Веселовского [21]): *И я знаю, есть радость в нем / Тем, кто листьев целует дождь, / Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* (С. А. Есенин «Я покинул родимый дом...». 1918); *Клён ты*

мой опавший, клён заледенелый, / Что стоишь нагнувшись под метелью белой? / Или что увидел? Или что услышал? / Словно за деревню погулять ты вышел. / Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий, / Не дойду до дома с дружеской попойки (С. А. Есенин «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...». 1925).

Персонифицированный образ «Есенин – клён» в лирике поэта формируется несколькими важнейшими семантическими признаками: 1) «опавший», «отцветший» клён; 2) клён как знак родного пространства.

У С. А. Есенина образ «опавшего» и «отцветшего» клёна проецируется на личную судьбу поэта и актуализирует смыслы увядания, скоротечности жизни, сожаления о прошедшей юности: *Нынче – юность моя отшумела, / Как подгнивший под окнами клён, / Но припомнил я девушку в белом, / Для которой был пёс почтальон* (С. А. Есенин. Сукин сын. 1924); *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а всюю зелёным* (С. А. Есенин «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...». 1925).

Клён для поэта был одним из главных объектов воспоминаний о малой родине, о чем свидетельствуют приводимые далее поэтические контексты. Семантический признак «клён – знак родного пространства» репрезентируется в них тропами, характеризующими клён как родное существо: *Отцовский дом / Не мог я распознать; / Приметный клён уж под окном не машет, / И на крылечке не сидит уж мать, / Кормя цыплят крупчаткою кашей* (С. А. Есенин. Возвращение на родину. 1924); *Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь. / Как будто бы на корточки погреться / Присел наш клён перед костром зари. / О, сколько я на нём лиц из гнёзд вороньих, / Карабкаясь по сучьям, воровал! / Все тот же ль он теперь, с верхушкой зелёной? / По-прежнему ль крепка его кора?* (С. А. Есенин «Я усталым таким еще не был...». 1923).

Рассмотрим развитие данного персонифицированного образа клёна А. Б. Мариенгофом. В приведенном выше поэтическом контексте клён включается автором в конструкцию отождествления (Есенин – клён златолистый), посредством которой актуализируется образное соответствие «золотые кудри волос – золотые листья клёна». Это сходство цвета волос и кудрявой головы с листьями клёна подчеркивал и сам С. А. Есенин: *Оттого что тот старый клён / Головой на меня похож* (С. А. Есенин «Я покинул родимый дом...». 1918).

Кроме того, А. Б. Мариенгоф сравнивает С. Есенина с клёном, роняющим листву у отчего дома: *Наши краток путь под ветром синевы. / Зачем же делать жизнь еще короче? / А кто хотел / У дома отчего / Лист уронить отцветшей головы?* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925). В этом уподоблении отражается поэтическая картина мира С. А. Есенина, в которой большую роль играет образ клёна как модель жизни человека, что проявилось прежде всего в образных соответствиях «клён – опавший», «отцветший» – ушедшая юность лирического героя, а также «клён – знак родного пространства».

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Таким образом, проведенное исследование тропеических номинаций клёна, выраженных именами собственными, в аспекте «общее – единичное» позволяет сделать следующие выводы. Выявленные образные номинации-антропонимы обозначают реальных личностей – представителей искусства (С. А. Есенина, Б. Э. Мурильо, Ф. Листа) и составляют образную парадигму «клён – человек» как частные вариативные разновидности общего образного инварианта.

Общей основой таких образов является одухотворение объектов природы, наделение их способностью мыслить. Анализ семантической структуры выявленных тропеических номинаций клёна, выраженных антропонимами, показал, что в основе ассоциативных уподоблений «клён – Лист» и «клён – Мурильо» находится ком-

плекс признаков: 'звук' (звонкий), 'состояние' (парение), 'форма' (сердце), 'цвет' (золото, свет).

Использование антропонимов как образов сравнения в составе компаративных тропов позволяет более ярко подчеркнуть конкретно-зрительные особенности самой изображаемой реалии: изменение цветовой палитры листьев деревьев осенью, красивый рисунок кленового листа, густота лиственного покрова и др.

К чертам различия в репрезентации образа клёна с помощью антропонимов следует отнести окказиональный характер образов сравнения «клён – Лист» и «клён – Мурильо», которые характеризуются оригинальностью и единичностью в языке русской поэзии, в то время как ассоциативное соответствие «Есенин – клён» является дальнейшей разработкой персонифицированного образа «я-дерева», введенного в русскую поэзию С. А. Есениным.

В частности, у А. Б. Мариенгофа получают развитие два важнейших семантических признака, формирующих персонифицированный образ «Есенин – клён»: 1) «клён «опавший», «отцветший» – ушедшая юность лирического героя»; 2) клён как знак родного пространства. Кроме того, поэтом актуализируется образное соответствие «золотые кудри волос – золотые листья клёна».

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении. К перспективам дальнейшей работы относятся выявление роли антропонимов как средств образной номинации других дендронимов в языке русской поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века: образные средства поэтического языка и их трансформация / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова, М. А. Бакина и др.; отв. ред. Е. А. Некрасова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. Москва: Наука, 1995. 263 с.
2. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., исправ. и доп. М.: «Азбуковник», 2004. 527 с.
3. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2-х т. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 848 с.
4. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 448 с.
5. Бельская Л. Л. Осень в русской поэзии // Русская речь. 2011. № 2. С. 29–38.
6. Соколова М. Г. Динамика образа клена в лирике С.А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границы. 2017. Т. 1. № 4. С. 35–40.
7. Соколова М. Г. Устойчивые тропеические номинации дендронима клен в поэтическом языке XIX–XX веков // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 445–451.
8. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие по направлению «Филологическое образование». Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
9. Гагаев А. А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1991. 308 с.
10. Пузырёв А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995. 378 с.
11. Пузырёв, А. В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен: учебное пособие к курсам. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 123 с.
12. Тукаева И. И. Четыре ступени сущности языковой репрезентации социотипических характеристик персонажей в сказках о животных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2015. 26 с.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ncs.corrpg.ru> (дата обращения: 20.09.2019). Все примеры приводятся по данному источнику.
14. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2007. 736 с.
15. Доманский В. А. Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 111-летию со дня рождения С. А. Есенина / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Гос. музей-заповедник С. А. Есенина, Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина; редкол.: О. Е. Воронова (отв. ред.) и др. Москва; Константиново: Пресса, 2007. С. 189–200.
16. Фомина З. Е. Метафорические репрезентации природы в поэтической картине мира Ингеборг Бахман и Сергея Есенина в

аспекте их дифференциации и универсализации // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 135–143

17. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.

18. Алексеев А. История фортепианного искусства: учебник в 3-х ч. Ч. 1 и 2. 2-е изд., доп. М.: Музыка, 1988. 415 с.

19. Лопес Крус Хосе. Мурильо и Веласкес в русской художественной культуре XIX–начала XX веков: автореферат дис. ... канд. искусствоведения. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2001. 24 с.

20. Кожевникова Н. А. О метафорической номинации персонажей в художественных текстах // Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. Ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 613–620.

21. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И. К. Горского; Коммент. В. В. Мочаловой. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019

Статья принята к публикации 27.02.2020